

Фига Маркса завтрашнего дня

Размышления над коллективной монографией

© Фишман Л. Г.

© Fishman L.

Фига Маркса завтрашнего дня. Размышления над коллективной монографией

Tomorrow's bugger all from Marx. Reflections above the collective monography

Аннотация. Проанализирован ряд ключевых положений коллективной монографии А. Коряковцева, К. Любутина, С. Вискунова, П. Кондрашова «Маркс утраченный и Маркс обретенный. Книга о философии Маркса и о том, как и почему в России ее потеряли и обрели вновь». Отмечены как ценный вклад в критическую философию марксизма, так и моменты авторского прочтения Маркса, детерминированные специфическим опытом поколения, к которому принадлежат авторы.

Annotation. The article analyzes a number of key provisions of the collective monograph by A. Koryakovtsev, K. Lyubutin, S. Viskunov, P. Kondrashov "Marx Lost and Marx Retrieved. A book about the philosophy of Marx and how and why in Russia it was lost and found again". Both the valuable contribution to the critical philosophy of Marxism and the moments of interpretation by the authors of the philosophy of Marx, determined by the specific experience of the generation to which they belong, are noted.

Ключевые слова. Диамат, истмат, Маркс, марксизм, мифология, советский строй, социал-бюрократия, философская антропология.

Key words. Diamat, historical mathematics, Marx, Marxism, mythology, Soviet system, social bureaucracy, philosophical anthropology.

1

Приступая к анализу книги о марксизме уважаемых авторов, резонно, по нашему мнению, начинать с конца, чтобы в первую очередь уяснить общие предпосылки ее появления, которые вовсе не сводятся к индивидуальным предпочтениям К. Любутина, А. Коряковцева, С. Вискунова, П. Кондрашова.

Общую парадигму исследования условно можно охарактеризовать как парадигму гуманистического марксизма постиндустриальной эпохи, в рамках которой авторы стараются адекватно осмыслить наследие как зрелого, так и раннего Маркса, в том числе причины его во многом искаженного прочтения как в индустриальную эпоху в целом (и конкретно в советский период), так и в наше время.

В этом смысле «Маркс утраченный» — это Маркс индустриальной эпохи примерно второй половины XIX — начала XX в. К нему же относятся варианты марксизма, жестко ориентированного на классовую, экономическую и политическую борьбу, достижение власти и построение нового общества; это варианты как революционные, так и «оппортунистические». (Согласно авторам, прежде всего А. Коряковцеву, и те, и другие в первой половине XX в. сыграли сходную роль, став идейным обоснованием глобальной трансформации, которая описывается как «мировая социальная революция», приведшая к частичному самоотрицанию капитализма, построению разных вариантов социального государства и т. д.)

К настоящему времени этот род марксизма сыграл свою роль. Теоретические построения, отвечавшие потребностям людей столетней давности (а эти потребности заключались в повышении уровня жизни, потребления, что привело, в свою очередь, к новому росту потребностей), позднее стали выглядеть «идеологией» в худшем смысле этого слова, а то и вовсе «мифологией». Но практики этой эпохи, так сказать, «дегуманизированного марксизма» внесли огромный вклад в объективную гуманизацию социальных практик. Дегуманизированный марксизм, особенно в СССР, породил социальную реальность, которую было невозможно осмыслить в его рамках. Попытки объяснить новые реалии в рамках «старого» марксизма порождали квазирелигиозные, мифологические и прочие подобные построения, которые сами требовали критического осмысления.

Из этого положения было два выхода: либо отказ от марксизма в пользу различных версий «буржуазной» и прочей несоветской философии, либо его обновление с рисками впадения в разного рода «ревизионистские» ереси, в рамках которых возникали зачастую не менее мифологизированные взгляды на мир и советскую реальность, чем те, которые они стремились опровергнуть. В постсоветскую эпоху к этому прибавляются еще многочисленные радетели «возрождения марксизма», которые находят свою нишу в организации марксистского ликбеза для поколений, вновь начинающих испытывать интерес ко всему «левому» и «советскому» — которое, правда, становится для них легендой. Что способствует как ликвидации элементарной безграмотности, так и новой мифологизации. Поэтому с точки зрения марксизма как спо-

Маркс утраченный и Маркс обретенный. Книга о философии Маркса и о том, как и почему в России ее потеряли и обрели вновь / под науч. ред. А. А. Коряковцева.
М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2021. 368 с.

соба объективного познания появляется задача сохранить достижения достигнутой ранее демифологизации (и научного объективизма) и не допустить новой мифологизации.

Рассматриваемая книга написана авторами, чья жизнь протекала в обществе, которое субъективно пыталось себя описывать в категориях «утраченного Маркса», а объективно осмысливало себя либо в категориях мифов, построенных на «утраченном Марксе», либо в парадигмах разного рода немарксистских мифологий, которые (как, например, взгляды советских диссидентов) ни в какой мере не являлись рациональными учениями и отражали общественную практику, способную воспроизвести лишь формы социального угнетения.

Авторы монографии относятся к тому поколению «ревизионистов», которые сохранили пафос демифологизации и не поддались желанию заняться новой мифологизацией под благим предлогом популяризации марксизма. Поэтому одной из важнейших доминант их творчества является критика и самокритика с вытекающим из них демифологизаторским пафосом. Львиную долю своей жизни они посвятили борьбе с разного рода «мифами», «идеологическими сублимациями» и прочими «превращенными формами» массового сознания. В этом нетрудно убедиться, обратившись к содержанию коллективной монографии.

В ней отдельно мифам о философии Маркса посвящен целый раздел, написанный П. Н. Кондрашовым, который разоблачает следующее: у К. Маркса нет своей собственной философии; философские идеи К. Маркса и Ф. Энгельса тождественны; поздний, «зрелый» Маркс ничего общего не имеет с Марксом «ранним» — между ними существует эпистемологический разрыв; философия К. Маркса состоит из диамата и истмата; материализм К. Маркса — апология брюхонабивательства; Маркс был воинствующим атеистом, призывал уничтожить все религии; Маркс — создатель знаменитой «пятичленки». Большая часть этих мифов, согласно Кондрашову, возникает потому, что критики Маркса его просто не читали, воспринимая его как обобщенный типаж противника капитализма.

Но есть и объективные причины формирования вокруг Маркса «мифологической ауры» — практики коммунистических режимов, страхи, испытываемые по поводу социализма и коммунизма определенными политическими силами. «...Мифы буржуазных противников Маркса, — замечает П. Кондрашов, — содержательно во многом зависят также и от того, кто чего больше боится в “надуманном марксизме”... Если это неолиберал, то он фантазирует по поводу “уничтожения свободы”, “отмены частной собственности”, “равенства”, превращения человека в “винтик” тоталитарного механизма, демонизируя все эти “идеи Маркса”. Если же это консерватор-традиционалист, то он будет акцентировать свою фантазию на разного рода “аморальных” аспектах “философии Маркса”, таких, например, как “отмена семьи”, “отмена права наследования” и “обобществление жен”».

В других разделах обнаруживаются отсылки к разного рода мифологическим представлениям как о марксизме, так и о природе советского и российского общества, имеющим место быть в головах советских и постсоветских интеллектуалов, простых граждан и политиков.

В этих разделах, посвященных подлинному с точки зрения авторов содержанию марксизма, содержится немало познавательного для любого читателя. Так, большой интерес представляет глава о правильном чтении Маркса, в которой П. Кондрашов призывает отмежеваться от «индустриально-производственных» толкований его терминов в пользу «ценностных», «гуманистических» и т. д. Особенно ярко позиция авторов проявляется в пассаже, посвященном правильному и неправильному (советскому) переводу выражения Маркса “Das produktive Leben”: «продуктивная жизнь превратилась в жизнь производственную, т. е. в жизнь заводскую, фабричную, колхозно-совхозную... Только на этом примере мы видим, как *всего лишь одно неверно переведенное слово радикально изменяет всю философию Маркса на противоположное учение*. Причем для советских идеологов был релевантен именно такой перевод: “производственная” жизнь как сущность человека — это... идеологическое оправдание социального насилия, скрытно имевшего место в Советском Союзе. Оправдание, освященное именем самого Маркса...» Или, к примеру, оказывается, что в знаменитой фразе про изменение мира «более адекватным переводом zu verändern будет глагол не изменить, а изменять, и тогда в этом тезисе радикально поменяются акценты». Установка изменять мир — для революционеров с трезвыми головами, которые хорошо понимали и понимают, что изменять мир предстоит «долго, многоактно, в течение целой эпохи».

Читателю следует обратить внимание на глубокий анализ различных аспектов философии Маркса. Это, прежде всего, реконструкция его представлений о родовой сущности человека, согласно которой она заключается в праксисе и обладает такими атрибутивными свойствами, как универсальность, орудийность, предметность, идеальность, духовность, социальность и историчность.

Не меньший интерес представляет раздел об экзистенциальном характере философии Маркса, в котором марксизм рассматривается как учение, связанное с «выявлением эмоциональных отношений человека к миру и условиям своего бытия в этом мире, с анализом его душевных переживаний, с личностными жизненными целями и ценностями, моральными установками, эстетическими предпочтениями, смысложизненными полаганиями, т. е. с экспликацией внутреннего, интимного мира человека». Убедительно обосновывается, что для Маркса «исторический процесс предстает в виде постепенного, во многих отношениях трагического, движения от die Arbeit к die Selbstbetätigung, от вынужденности к свободе, от отчуждения к полноте бытия, от неподлинности человеческого бытия к своей подлинности, от страдания к удовольствию».

Материалистическому осмыслению в монографии подвергнуты проблематика творчества и религиозного чуда. Авторы обосновывают, что «главным продуктом любой творческой деятельности является сам творец, человеческий индивид, новое состояние его личности и связей с внешним миром», чудо осмысливается как «негативное отрицание труда», а его отрицание «имеет смысл лишь как утверждение личности в ее свободной самодеятельности».

Особое внимание уделяется проблематизации марксовой диалектики. Авторы показывают, что «противоречивое истолкование диалектики последователями Маркса выражает недостаточную разработанность самой диалектики в классическом марксизме вообще».

Позиция авторов, резюмирующая их оценку истории марксизма и свое место в ней, такова. Современники, да и не только, знали Маркса преимущественно как экономиста и социолога, «в их представлении классический марксизм являлся учением революционно-политическим и политэкономическим по преимуществу» [11. С. 205]. Но они лишь фрагментарно были знакомы с его философской антропологией: ключевые труды, касающиеся последней, стали доступны только в 1930—1940-е гг. «Возникшие после смерти Маркса и Энгельса теоретические конструкции закономерно выродились в разнообразные идеологические формы: либо в схоластические или позитивистские упражнения советских идеологов, либо в учения о захвате и сохранении власти вроде многочисленных леворадикальных теорий, либо в социал-демократический реформизм, в духе учения Э. Бернштейна отражающий повсеместное обуржуазивание широких слоев населения промышленно развитых стран». Этим учениям, по мнению авторов, противостоит «аутентичное», исходное учение Маркса, которое они и пытаются реконструировать.

Соответственно, пересматривается роль промышленного пролетариата, равно как и связанные с ней надежды революционных марксистов прошлого. В частности, А. Коряковцев убедительно показывает, что в условиях разделения труда промышленной эпохи имеет место «политическое самоотчуждение труда». Поскольку политическая деятельность так и не становится потребностью эмпирических пролетариев (они способны самостоятельно выработать потребительское, «экономическое», националистическое и пр., но никак не социалистическое сознание), революционные марксисты неизбежно становятся в позицию просветителей. Таковы лассальянцы, ленинисты, троцкисты, сталинисты и пр.

Поскольку не появляется зрелого пролетариата, который мог сам бы решать свою судьбу, эту задачу берет на себя кто-то другой: государство (не слишком важно — буржуазное или пролетарское) и (социал-)бюрократия. В первой половине XX в. реформистские и революционные движения совершили то, что авторы книги называют всемирной социальной революцией. Но к тому времени не сложилось предпосылок для действительного коммунизма в марксовом понимании: «разделение труда, соответствующее фабрично-заводскому производству, разносило отчужденный труд и освобождающую “самодетельность” по разным сторонам общественной иерархии». Поэтому изменение облика капитализма и эмансипация рабочего класса обернулись «возвышением чиновников, постепенно, но неуклонно консолидирующихся в самостоятельный класс управленцев и стремящихся превратить все остальное общество в объект управления, в административно зависимых работников».

Данная ситуация в принципе не изменилась до сих пор: в основе современных обществ, как их ни называй, остаются отношения отчуждения и самоотчуждения. Конечно, сейчас формируется новый субъект отчуждения и его отрицания. Но поскольку процесс его становления пока не завершен, «объект социальной критики ныне всем очевиден (это — социальное

отчуждение, явленное в разнообразных формах и красочно описанное в художественной, философской и научной литературе), а его субъект (он же и субъект его практической критики) представляется отсутствующим».

Отсутствие субъекта социальных преобразований, ведущих к социализму и коммунизму, является едва ли не самым важным фактором, *проблематизирующим* марксизм, превращающим его из учения, дающего ответы, в учение, преимущественно задающее вопросы.

3

Не отрицая вклада в марксведение, сделанного авторами книги, мы хотим указать, что такого рода марксизм, который мы видим на ее страницах, сам остается открытым для объективирующей критики в не меньшей степени, чем в этой работе объективируется «Маркс утраченный» и связанные с ним социальные практики.

Если диамат и истмат, по словам авторов, не имели отношения к «самому Марксу», а являлись творением сталинских референтов, обобщивших ряд положений Энгельса и Плеханова, то нечто подобное можно сказать и о той традиции антропологически-гуманистического марксизма, к которой Коряковцев, Кондрашов, Любутин и Вискунов себя относят.

Было бы странно утверждать, что Энгельс и Плеханов, как и сталинские референты, не имели вовсе никакого отношения к Марксу, к его мыслям, достижениям, политическим целям и задачам, которые он поставил. Авторы этого и не отрицают. Да, объективно диамат и истмат, равно как и иные версии такого марксизма, стали учением «социал-бюрократии». Это продукт эпохи. Но и Корш, Лукач, Грамши и другие мыслители подобного рода, включая самих авторов, тоже не имеют к «самому Марксу» прямого отношения, если под «самим Марксом» подразумевать некоего «аутентичного» и «подлинного» Маркса.

В той же степени, в какой «утраченный» Маркс был порождением всемирной социальной революции промышленного пролетариата и господства социал-бюрократии, «Маркс обретенный» — одно из творений эпохи заката этой революции. Это творение сохранившей верность марксовым идеалам части позднесоветской интеллигенции. Для нее, по словам К. Любутина, «философия Маркса в качестве философской антропологии — учение о человеке как практически действующем существе — дает основание к пониманию отношения “человек — мир” в качестве гуманистического критерия измерения человеческой деятельности. Философия Маркса нацелена на поиск истины и поиск смысла, на социальное освобождение человека... Все теоретические и духовно-практические проблемы Маркс решает “через человека”. Философская антропология Маркса органически гуманистична. Величайшее богатство для человека — другой человек, а не материальные или духовные образования сами по себе, смысл жизни человека — в безграничном саморазвитии безотносительно к какому бы то ни было заранее установленному масштабу».

Однако как раз поиск путей социального освобождения человека для позднесоветской марксистской интеллигенции стал факультативным занятием. Интеллигенция точно так же не сумела обрести самостоятельной политической субъектности, как не смог ее обрести пролетариат первой половины XX в.

При этом она оказалась не в более выигрышном положении, чем пролетариат. Пролетариат вначале вели вожди, а затем социал-бюрократия, которые *умели ставить цели и достигать их* (другой вопрос — что это были за цели, в какой степени и какой ценой они достигались). Поздняя советская и постсоветская интеллигенция формально за вождями не шла, но в конечном счете ее тоже вели — и привели вместе со всем обществом туда, где она ныне находится.

Позднесоветские интеллектуалы, обретшие самосознание в обществе, которое являлось результатом усилий поколений, ставивших цели и преобразовывавших мир, в большей степени оказались привержены критике и самокритике, объяснению мира, чем его преобразованию.

Представители поколения, не знавшего голода и безработицы ввиду отсутствия возможности продать свой труд, но зато постигшие все коллизии существования в обществе, где труд был обязательным, сосредоточились на *критике труда*.

Поколение, в основе жизненного опыта которого оказалось мучительное переживание отсутствия субъектности, факта своей постоянной «ведомости», использования твоих лучших побуждений (и заблуждений) какими-то социальными силами в своих целях, более всего было заинтересовано в том, чтобы больше никогда не стать жертвой манипуляций; остальное представлялось не столь важным.

Соответствующим оказался и выросший из такого опыта марксизм, богатый «ошибками отцов и поздним их умом». (Что вовсе не есть нечто заслуживающее осуждения: за ум лучше взяться поздно, чем никогда.) Если угодно, это марксизм не субъектов политической борьбы и общественных преобразований, а социальных субъектов, ставших *следствием* этих борьбы и преобразований, почти что объектов; это философия, имеющая в первую очередь «экзистенциальный характер». Не случайно и «человек» со всеми его «экзистенциями» в этом марксизме — существо, обретающее себя вначале в отчуждении и страдании, и лишь потом — «творческое» и борющееся за лучшую жизнь. И столь же не случайно, что и коммунизм для авторов — не в первую очередь то, что они бы хотели реабилитировать и *позитивно* утвердить. Для них более важно указать на то, что понятие коммунизма *не означает* в рамках идейной традиции, в которой оно зародилось, и в которой оно служило отнюдь не в целях общественной апологии, а как раз наоборот — инструментом социальной критики.

В этих установках отражается специфический исторический опыт позднесоветских и постсоветских интеллектуалов. Этот опыт приучил их превыше всего ценить интеллектуальную свободу — чтобы никто не «лез в мозги».

Так, С. Вискунов утверждает, что развитие общественной мысли начнется по-настоящему, «когда развитие самого общества создаст социальные предпосылки для перехода на более высокий уровень осмысления действительности. Это предполагает автономию жизни и творчества интеллигенции, избавленной от любых форм контроля, и ее материальную независимость». Люди, столь ценящие автономию, как черт от ладана бегут от всего, хоть чем-то напоминающего им советскую номенклатуру. Так, многие современные леваки рассматриваются ими как потенциальная номенклатура, социал-бюрократия. «Этот слой воспроизводит

номенклатурно-просветительскую установку на руководство протестующими гражданами. Но рожденный управлять — творить не будет. Для руководства “движем” нужны лозунги и авторитеты, а не анализ».

Может возникнуть впечатление, что авторы монографии не менее завязаны от своих классово обусловленных фантомов, чем их оппоненты. Если новой потенциальной социал-бюрократии для самоутверждения необходим отсутствующий пролетариат, то ее критикам для достижения той цели нужна сама социал-бюрократия. Авторов книги, похоже, больше пугает именно *потенциальная* социал-бюрократия с ее претензиями на идейное руководство, «протономенклатура», а не реально существующая бюрократия, которая постепенно (а то и резкими скачками) эту самую претензию *на деле осуществляет*. В этом смысле марксизм «Маркса обретенного» также существует «в пределах еще позднесоветских и перестроечных мифов, ...не порождающих никакой новой общественной практики».

Достоинство такого марксизма заключается в том, что ему всегда есть что сказать в ответ на любой вопрос о современности, в том числе и на вопрос «что делать?» (конечно же, учиться и познавать общество, — а что ж еще?). Но он не претендует на роль силы, способной «овладеть массами», — быть может, потому, что и масс таких нет, и, возможно, *овладеть* вовсе никем не надо. Ибо «в реалиях современного российского “общества без оппозиции”, лишенного революционного класса, “практика” современных “левых радикалов” не менее отвлечена от реальности победы пролетариата, нежели самая отвлеченная теория».

Характерной чертой этого марксизма является противоречие между желанием себя политически актуализировать, предостерегающе указав на «процесс образования протестной протономенклатуры», — и не менее сильным желанием уклониться от актуальной политической борьбы, заявляя, что книга «лишена политического содержания». Впрочем, такая «политическая актуализация Шредингера» закономерно вытекает как из исходных установок, так и из жизненного опыта данного поколения российских марксистов, который с диссидентской юности приучил их держать фигу в кармане. Та же самая фигу надежды на будущее и неприятия всяческой мертвечины «исторического марксизма», несмотря на видимый отказ от политической ангажированности, выпирает из их кармана и сейчас. Это фигу, которую Маркс завтрашнего дня показывает дню вчерашнему и нынешнему уже сегодня. Но разве может быть иначе у людей, для которых реставрация «Маркса утраченного» или возвращение к нему — всего лишь стартовая площадка, отталкиваясь от которой только и можно уверенно улететь навстречу будущему?

Разумеется, как и любое серьезное исследование, книга «Маркс утраченный и Маркс обретенный» вырастает в тесной связи с предшествующей традицией и современными достижениями зарубежного и отечественного марксоведения, социологии, политической науки, отчасти используя их, отчасти споря с ними, в чем читатель и сам сможет убедиться. С этим может быть связано и ложное впечатление неоригинальности, которое возникает при поверхностном чтении некоторых разделов.

Например, описание номенклатуры и социал-бюрократии вызывает отчетливые ассоциации с известными трудами М. Восленского [3] и М. Джиласа [4], не говоря уже о положившем начало такому ходу мысли Л. Д. Троц-

ком. Важность правильного перевода ряда ключевых терминов в работах Маркса отечественный читатель мог почерпнуть в работах В. Шелике [12] и в новом переводе первого тома «Капитала» под редакцией В. Чеховского [10]. Обнаружение экзистенциальных мотивов в философии марксизма [2] также не является исключительной заслугой авторов данной монографии. О специфике рецепции марксизма в России писали многие отечественные авторы, в том числе С. Г. Кара-Мурза [6]. Популяризации ряда положений марксизма и разоблачению существующих на его счет мифов посвящены известные работы А. Баллаева [1] и Т. Иглтона [5]. И это лишь ничтожная часть моря только русскоязычной литературы о марксизме, изданной в последние десятилетия. Наконец, впечатление «я это уже где-то читал» может быть спровоцировано знакомством читателя с другими книгами авторов монографии: некоторые элементы авторского синтеза были изложены ранее [7; 8; 9]. Но то, что пазл авторской мысли составлен из узнаваемых фрагментов, не значит, что книга вторична.

Завершая, необходимо подчеркнуть: признаком всякой действительно полезной и достойной внимания социально-философской критики является то, что она сама дает орудие в том числе и для собственной объективации. Читатель поэтому быстро убедится, что и наша попытка объективации ее содержания не выходит за пределы сказанного авторами «о времени и о себе». Мы хотим лишь подчеркнуть, что социально-исторический бэкграунд всякого поколения делает его представителей особенно восприимчивым к определенным компонентам содержания учения Маркса и столь же скептически настроенным, если не глухим — к другим. И это не беда и не вина авторов книги.

Ничего личного, это просто марксизм.

Литература

1. Баллаев А. Б. Читая Маркса : Историко-философские очерки М. : Праксис, 2004.
2. Быстров В. Ю., Дудник С. И. Об экзистенциальных мотивах в философии К. Маркса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2018. Т. 22. № 4.
3. Восленский М. Номенклатура. М. : Захаров, 2005.
4. Джилас М. Новый класс. Н.-Й. : Ф. А. Прегер, 1961.
5. Иглтон Т. Почему Маркс был прав. М. : Карьера Пресс, 2012.
6. Кара-Мурза С. Г. Маркс против русской революции. М. : Эксмо : Яуза, 2008.
7. Кондрашов П. Н. Философия Карла Маркса : Экзистенциально-антропологические аспекты. М. : URSS, 2019.
8. Коряковцев А., Вискунов С. Марксизм и полифония разумов. Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2016.
9. Любутин К. Н. Фейербах: философская антропология. Свердловск : Изд-во Уральского университета, 1988.
10. Маркс К. Капитал : Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1: Процесс производства капитала / под ред. В. Я. Чеховского. М. : Политическая энциклопедия, 2015.
11. Маркс утраченный и Маркс обретенный : Книга о философии Маркса и о том, как и почему в России ее потеряли и обрели вновь / под науч. ред. А. А. Коряковцева. М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2021.
12. Шелике В. Ф. Непознанный Маркс и некоторые проблемы современности // Философские науки. 2013. № 3. ◆